

ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА: ПРОШЛОЕ ИЛИ НАСТОЯЩЕЕ?

К.В. Воробьева

Аспирант кафедры философии направления «Философия, этика и религиоведение»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,

christine.viktorovne@gmail.com

Понятие «постмодерн» рассматривается как социально-философская категория. Выделены наиболее характерные черты постмодерна: плюрализм взглядов и отрицание прогресса, провозглашение «конца истории», бунт против классической рациональности, господство антифундаментализма и не-эссенциализма, отказ от истины, отрицание возможности мыслить субъект как онтологическую целостность. В соответствии с концепцией Ф. Джеймисона, постмодерн трактуется как логика культуры позднего капитализма, как реакция на исторические неудачи XX века. Проанализирован вопрос о конце постмодерна, представлен краткий обзор таких направлений «постпостмодернизма», как метамодернизм, гипермодернизм и др., и показано, что они либо сосредоточивают внимание на вопросах, не представляющих широкого общественного интереса, либо предлагают «примирение» с модерном, мысля при этом в границах постмодернистской оптики. В конечном итоге ответ на вопрос о конце общества постмодерна зависит от того, как постмодерн определить. Если постмодерн тождественен бунту против модерна, то, выполнив свою историческую задачу, он исчерпал себя. Однако существенные особенности культуры и социальной жизни, которые принесла с собой эпоха постмодерна, остаются и в наше время. Это обстоятельство дает основание заключить, что современная эпоха может быть названа поздним постмодерном, а сам он по-прежнему выступает как идейное порождение позднего капитализма.

Ключевые слова: постмодерн, поздний капитализм, Ф. Джеймисон, Дж. Ваттимо, метамодернизм, гипермодернизм

Наше видение современности зависит от той парадигмы, в рамках которой мы мыслим исторический процесс. Существует множество научных исследований, призванных выявить специфику текущего времени, но большинство из них сосредоточивают внимание лишь на описании характерных явлений социальной жизни. Очевидным недостатком такого подхода является описательность, принципиальная неспособность отделить существенные, долговременные тренды от сиюминутных, несущественных, имеющих отношение к конкретному народу, государству, ситуации и т.п. Причины

этому – нежелание или неспособность некоторых авторов выходить за рамки феноменологического подхода, заниматься анализом фактов, а не только их, так сказать, коллекционированием.

Современная эпоха в научной литературе носит огромное количество названий: постиндустриальное общество, общество высоких технологий, цифровое общество, постмодерн, метамодерн, гипермодерн, альтермодерн, диджимодерн, постсовременность и т.д. Несмотря на тот факт, что все эти термины имеют в качестве истока различные, а порой и противоположные философские основания, многие исследователи, пытаясь совместить несовместимое, каждый раз выдвигают новое, с их точки зрения еще более точное, наименование для современного социума. Попытка отрефлексировать современность превращается, в лучшем случае, в погоню за той теорией, которая больше подойдет под эмпирически зафиксированные факты, а зачастую и в поиск новой эклектической парадигмы, подогнанной под найденные авторами черты.

Представляется, что поставить точку в дискуссии о том, чем является наша эпоха, можно будет только после ее завершения, когда станут очевидными не только истоки и причины происходящего, но и его следствия. При этом нельзя забывать, что понимание сегодняшнего общества – первостепенная потребность социально-гуманитарных наук, и поэтому вполне закономерно перед ними встают следующие вопросы: современная эпоха – это новый виток в развитии капитализма или новая формация? (Если, конечно, марксистский подход к истории по-прежнему актуален.) Может быть, мы имеем дело с некоторыми другими типами общества, критерии для выделения которых нам только еще предстоит найти? Наконец, правомерно ли вообще оперировать такой категорией, как «историческая эпоха»? И действительно ли исторический процесс существует как нечто единое и объективное? Безусловно, перечисленные проблемы имеют фундаментальный характер, и их исследование выходит далеко за рамки отдельной статьи.

Однако нельзя не отметить, что с конца XX века и по наши дни поиск ответов на эти вопросы сопряжен с утверждением понятия постмодерн как социально-философской категории. Анализ постмодерна может пролить свет на то общество, в котором мы в настоящее время живем. При этом любопытно, что сегодня всё чаще обнаруживается почти полное единогласие по вопросу о том, завершилась ли эпоха постмодерна. Подавляющее большинство исследователей согласно с утверждением, что эта эпоха либо вообще закончилась, либо близка к своему концу. Но при этом по-прежнему существует парадоксальное расхождение мнений относительно сущности

этой эпохи. И, так как точка в этой дискуссии еще не поставлена, необходимо проанализировать понятие постмодерна, поскольку без этого мы лишены возможности понять и прошлое, и настоящее.

Для начала требуется разделить различные подходы к пониманию постмодерна. Чаще всего понятие «постмодерн» (или «постмодернизм») используется для характеристики философии второй половины XX века. Можно говорить также о постмодернизме как о стиле в искусстве и культуре. Но, кроме этого, существует понимание постмодерна как некой темпоральной категории, обозначающей эпоху, наступившую после модерна. К примеру, Д. Уэст, выделяет два смысла понятия постмодерна: социально-философский и историко-философский. В историко-философском смысле – это особый тип рефлексии, самостоятельное течение философской мысли, а в социально-философском плане – определенная эпоха в развитии общества. Преимущественно именно в этом, последнем, смысле данное понятие и будет рассматриваться далее. (Описывая общество постмодерна, Д. Уэст ссылается на некоторые работы А. Тойнби и Р. Миллза [1], выдержанные в достаточно традиционном ключе.)

Стоит отметить, что отделение одного смысла понятия от другого – нетривиальная задача, из-за чего порой возникает путаница в рассуждениях. Эта сложность порой усугубляется тем обстоятельством, что эпоху постмодерна пытаются постичь с использованием постмодернистской оптики, принципиально не допускающей существования объективной реальности и отрицающей возможность выразить новые идеи на старом (модернистском) языке. Стоит, однако, заметить, что сами идеи о существовании исторического явления и исторической эпохи можно отнести к тем метанарративам, об исчезновении которых говорит один из лидеров постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар и вслед за ним твердят его последователи. В этой связи Ф. Джеймисон замечает, что «теория постмодернизма – одна из подобных попыток измерить температуру эпохи без инструментов и в ситуации, когда мы даже не уверены, что остались еще такие вещи, как "эпоха", "дух времени", "система" или собственно "актуальная ситуация"» [2, с. 60]. К.Х. Момджян, анализируя состояние современной социальной философии, отмечает, что рефлексивный тип философствования в постмодернистском подходе ассоциирован с модерном и отброшен как вредный, утопичный проект. Указанный рефлексивный тип философствования трактуется им как рациональное познание «окружающей и охватывающей нас реальности», как «обнаружение собственной логики ее существования, которая дана субъекту познания принудительно и не зависит от его ценностных предпочтений» [3, с. 31].

Что же, в сущности, представляет собой постмодерн как темпоральная категория? Как известно, возникновение термина «постмодерн» для обозначения определенной эпохи связано с публикацией в 1954 году восьмого

тома «Постижения истории» А. Тойнби. Истоки этого периода он относит к началу Франко-прусской войны и пишет преимущественно об изменившемся положении буржуазии, которая в эпоху модерна являлась господствующим классом. Однако, несмотря на то, что термин, предложенный А. Тойнби, прочно закрепился в социальной философии, смысл его существенно трансформировался. Значимым рубежом в переосмыслении этого понятия стала книга «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара, опубликованная в 1979 году. В ней автор трактует постмодерн как ситуацию радикального изменения во всех сферах человеческой жизни и связывает его с постиндустриальным обществом, которое было описано Д. Беллом. Истоки постмодерна Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что знание становится товаром и главной экономической силой, теряя при этом свою легитимацию [4, с. 38].

Так какой же смысл вкладывается в термины «постмодерн» и «общество постмодерна» последователями и критиками Ж.-Ф. Лиотара? Существует ли вообще общество постмодерна за пределами теоретических построений некоторых философов конца XX века? Для поиска ответов на эти вопросы необходимо, прежде всего, выделить наиболее характерные черты, особенности и тенденции, которые традиционно приписывают постмодерну. Однако ухватить смысловое и методологическое единство в различных определениях и описаниях постмодерна зачастую довольно проблематично, что неудивительно, учитывая, что сама эта концепция провозглашает плюрализм и эклектику своими исходными принципами.

Имеет смысл обратить внимание на обоснование постмодернистами плюрализма. Плюрализм, с точки зрения Дж. Ваттимо, обусловлен влиянием медиасферы с господствующей в ней множественностью мнений. Нет больше объективного описания мира, есть много субъективных взглядов, которые этот мир представляют. В этом же контексте Дж. Ваттимо говорит о конце единой истории и отказе от идеи прогресса: «"Примитивные" народы, т. е. те, которые рассматривались в этом качестве, – народы, колонизируемые европейцами во имя очевидного права более "высокой" и более развитой цивилизации, – взбунтовались и фактически сделали проблематичной единую, централизованную историю» [5, с. 10].

В этих рассуждениях прослеживается другая яркая характеристика постмодерна – бунт против прошлого, против модернизма, против классической рациональности, зачастую отождествляемой с европейской наукой. Бунт направлен на избавление от ошибок и недостатков ушедшей эпохи, однако он не тождествен критическому анализу. Бунт зачастую равнодушен к сущностным причинам происходящего: критикуя многие явления, пытаясь искоренить их, он приводит нас к радикальному отказу и от того важного и ценного, что связано с отвергаемым явлением.

Ф. Джеймисон в книге «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» отмечает, что постмодернизму присущ не только принципиальный антиисторизм, но и такие черты, как антифундаментализм и не-эссенциализм, отказ от истины как от дискредитировавшей себя части «метафизического багажа». Далее он отмечает, что такие «классические» понятия, как страх и отчуждение, в мире постмодерна уже неуместны. Отчуждение субъекта заменяется его фрагментацией [2]. Как и Дж. Ваттимо, Ф. Джеймисон говорит о множественности теоретических позиций, заменяющей единство, которая приводит не только к невозможности мыслить единую историю, но и к невозможности представлять субъект как онтологическую целостность.

Может сложиться впечатление, что всё указанное выше – лишь новый способ философствования, новая мода, распространившаяся среди философов и обществоведов и не имеющая, по большому счету, отношения к текущей повседневной реальности. Сами идеи смерти субъекта, конца истории, девальвации реальности кажутся, скорее, философскими принципами, а не объективно существующими тенденциями общественной жизни. Однако указанные особенности обнаруживаются в современной культуре, проявляются, пусть и не всегда осознанно, во взглядах на мир даже у тех наших современников, которые не связаны непосредственно с философией и гуманитарными науками. Поэтому Ф. Джеймисон трактует постмодернизм как общую логику культуры, отражающую существенные изменения, который происходят в позднем капитализме.

Большинство знаковых работ, посвященных проблеме постмодернистского общества, как, например, книга Ф. Джеймисона, было написано еще в 90-е гг. прошлого века. В связи с этим возникает вопрос относительно актуальности развиваемых там идей. Если общественная жизнь за последние 30 лет успела измениться, то тогда, возможно, постмодерн – это наше прошлое, и сегодня есть смысл говорить о новой эпохе, следующей за ним. Но так ли это? Представляется важным разобраться в этом вопросе, учитывая поиск новой концепции, который сейчас ведется в социальной философии. Но, как ни парадоксально, для ответа на поставленный вопрос необходимо сначала обратиться к прошлому, к истокам постмодерна, и тогда уже выносить суждение о его возможной смерти.

Как уже было сказано ранее, постмодерн родился во многом как результат разочарования в эпохе модерна. Сам же модерн базировался на светлых и «вечных» идеалах Просвещения, ассоциируемых с господством рациональности и сциентистского взгляда на мир как на объективную реальность, постигаемую познающим субъектом. Потомкам эти идеалы стали

представляться как нереализуемый проект, как утопия. Постмодерн дистанцировался от модерна путем разрыва со всеми теми фундаментальными установками, которых неосознанно придерживались классики. И, очевидно, логика этого разрыва была следующей: «Если во всех конституционных демократических обществах по-прежнему неискоренимы нищета, невежество, дискриминация и эксплуатация, то проект Модерна неосуществим, а ценности, постулируемые Просвещением, не более чем миф» [6, с. 31]. И здесь, вопреки постмодернистской логике, следует поставить следующий вопрос: действительно ли существует принципиальный разрыв между модерном и постмодерном? Можно поставить вопрос и в такой плоскости: этот разрыв имеет место только в нашем сознании или он совершился в самой социальной реальности?

Чтобы объяснить эту мысль, необходимо выйти за рамки описанного здесь дискурса и обратиться к марксистскому анализу истории. Хотя капитализм начала XX века во многом отличается от капитализма XXI века, все-таки он продолжает оставаться самим собой. Многие явления прошлого столетия, потрясшие критиков модернизма (растущий разрыв между богатыми и бедными, монополизация экономики и складывание глобальной рыночной системы, передел рынков и мировые войны, становление ультраправых режимов, господство финансового капитала и т.д.), были предсказаны и проанализированы классиками марксизма и их последователями в нашей стране и за рубежом. Классики же Просвещения, на которых принято ссылаться как на создателей культуры высокого модерна, были раскритикованы за идеализм и утопизм К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в XIX столетии.

Другой довод – ссылка на крах СССР и всего социалистического проекта. Критика этого проекта велась на протяжении всего его недолгого (по историческим мерам) существования; не утихает она и сейчас, хотя тема вроде бы потеряла свою актуальность. При этом важно заметить, что гибель реального социализма большинством исследователей расценивается как свидетельство ущербности рационалистической парадигмы марксизма. Однако одно не связано с другим. Победа Запада в Холодной войне не является прямым доказательством несостоятельности как самого исторического материализма, так и всех «великих нарративов». Многие исследователи удивительным образом забывают о том, что явление и сущность не совпадают, т.е. что общественно-экономическая формация и конкретное общество, в котором она воплощена, – не одно и то же. Ю.И. Семенов в этой связи замечал: «Конкретный социор (отдельное) ввиду неравномерности и противоречивости исторического процесса сложнее особого типа общества, поскольку он помимо сущностных признаков особого исторического

типа общества – конкретной общественно-экономической формации – может включать «чужеродные» элементы, не свойственные этому социальному идеалу» [7, с. 17].

Ввиду этих обстоятельств нет ничего удивительного в том, что постмодернизм, едва зародившись и осознав самого себя, тут же объявил о собственной смерти. Одна из основных функций постмодерна – это бунт, вызванный историческими неудачами XX века, а бунт не может становиться константой, тогда он теряет всяческий смысл. При этом, несмотря на громкие заявления о конце постмодерна, торопиться с выводами рано. Безусловно, ответ на вопрос о том, закончилась или нет эпоха постмодерна, была ли она вообще, зависит, в первую очередь, от трактовки самого понятия «эпоха постмодерна». Так как вопрос с определением этого понятия по-прежнему остается открытым, следует обратить внимание на то, какие черты постмодернизма уходят в прошлое, а какие остаются в качестве его наследия.

У условного «постпостмодернизма» множество названий и характеристик. Рассмотреть здесь все его вариации – невыполнимая задача, поэтому остановимся на тех из них, которые чаще всего анализировались в отечественной научной периодике за последние десять лет. Самым популярным понятием, предложенным для характеристики современной эпохи, является метамодернизм. Эта идея принадлежит Т. Вермюлену и Р. Аккеру. Префикс «мета» обозначает одновременно «с», «между» и «за». Сами авторы формулируют это так: эпистемологически метамодернизм располагается «с» (пост)модернизмом, онтологически «между» (пост)модернизмом и исторически «за» (пост)модернизмом [8, с. 5]. Пытаясь найти материальные причины смены эпохи, Т. Вермюлен и Р. Аккер перечисляют знаковые события и явления последних лет: обострение угрозы терроризма, финансовый кризис 2008 года, изменение климата и т.д. [9, с. 12], и уже здесь прослеживается предельная описательность их подхода.

Метамодерн не снимает противоречий (действительных или надуманных) между постмодерном и модерном, он, скорее, занимает промежуточную позицию между ними, произвольно прибегая к стратегиям то одной, то другой эпохи. На смену постмодернистскому пессимизму и иронии предлагается надежда и мифотворчество. Это, конечно, не возврат к модернизму с его оптимизмом и рациональностью, нацеленностью на поиск истины и уверенностью в объективном существовании как субъекта, так и внешнего мира. Общество метамодерна в своих исходных установках ничем не отличается от общества постмодерна, разве что предлагает более мягкое и толерантное отношение к идеалам прошлого.

Другой вариант, предлагаемый нам в качестве современной альтернативы постмодернизма, – гипермодернизм. Он обнаруживает фактически те же недостатки, что и метамодернизм. В подходе к определению гипермодернизма нет единства, фактически нам предлагают три совершенно разных варианта этого феномена. Так, А. Крокер и И. Варга строят теорию гипермодернизма вокруг довольно узкой проблематики, называя человеческое тело главным «проблемным полем нового социального состояния». Например, И. Варга приводит высказывание из эссе известного французского антрополога М. Мосса «Техники тела»: «Если раньше люди делали пирсинг или татуировки, чтобы принадлежать конкретному коллективу, теперь они делают то же самое, чтобы показать свою индивидуальность» [10, с. 24]. Однако не только сама тема телесности, но и подход к пониманию общественных процессов здесь полностью укладывается в постмодернистский дискурс. В приведенной цитате явно прослеживается все то же признание множественности: нет больше общества как единого социального организма, есть множество атомизированных индивидов, утверждающих через модификацию собственного тела свою отдельность и уникальность.

Другой вариант гипермодернизма, который разрабатывает Дж. Армитадж, отталкивается не от телесности индивида, а от его бытия в качестве потребителя материальных товаров и идеальных образов. Здесь снова речь идет об избытке, о пресыщении, которое неминуемо наступает в обществе массового производства и потребления как товаров, так и знаний. По мнению автора, гипермодернизм способен примирить антагонизм между модернизмом и постмодернизмом, т.к. гипермодернизм не предполагает бунта против модернистской культуры, а заменяет его на культурную «всеядность» современного общества. Здесь, как и в метамодернизме, не происходит снятия противоречий между прошедшей культурной эпохой и современным состоянием общества, но вновь постулируется постмодернистский плюрализм, только на смену протесту приходит индифферентное отношение к прошлому.

И, наконец, последний вариант гипермодернизма, предложенный Ж. Липовецким, означает возвращение в «новый модерн», под которым понимается некоторая «инфантилизация» общества. Он тоже связывает наступление нового периода с обществом потребления, с избытком информации, с ростом индивидуализма. Однако многие авторы, например, А. Кирби, отмечают «отсутствие принципиальной новизны гипермодернизма, так как эта концепция апеллирует к основным принципам модерна и продолжает в этом свете видоизмененный "гипертрофированный" дискурс постмодерна» [10, с. 29].

Другие направления «постпостмодернизма» – сверхмодернизм, космодернизм, альтермодернизм, диджимодернизм; они обнаруживают схожие черты и схожие проблемы. Они либо акцентируют внимание на вопросах, не представляющих широкого общественного интереса, произвольно выдвигая на первый план те или иные тенденции современности, либо предлагают «примирение» с модерном путем определенной легитимизации некоторых его идей и принципов. Важно отметить, что для всех этих течений характерно мышление в рамках постмодернистской оптики. Каждое из них претендует не на истину, но лишь на то, чтобы быть еще одним мнением, вписанным в общую канву представлений о мире. Во всех этих течениях отношение между модерном и постмодерном укладывается в постмодернистский принцип интертекстуальности.

В связи с изложенным встает закономерный вопрос о том, закончился ли постмодерн. Ответ будет зависеть от того, как мы определим этот термин. Если постмодерн тождественен бунту против модерна, то в этом случае мы должны констатировать смерть постмодерна. Как известно, бунт по определению неустойчив и недолог, а это значит, что постмодерн, выполнив свою историческую задачу по развенчанию модернистских иллюзий, себя исчерпал. И действительно, во всех концепциях, провозглашающих конец этой эпохи, заметно снижается протестный пафос, ведется поиск путей примирения с прошлым, а порой и раздаются голоса о необходимости вернуть некоторые «разоблаченные» нарративы. Но мы можем отметить, что многие особенности, черты культуры и социальной жизни, которые принесла с собой эпоха постмодерна, в сущности, остаются и в наше время, а сами новые концепции выстраиваются исключительно в постмодернистском ключе. Различия между постмодерном и «постпостмодерном» (на какую бы гипотезу и название мы ни ссылались) не представляются настолько существенными, чтобы выйти за рамки спора о дефинициях. В таком случае можно говорить, скорее, о позднем постмодерне, имеющем собственную специфику, но остающемся в рамках прежних границ как социокультурной характеристики («культурной логики») позднего капитализма.

Список литературы

1. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Дело, 2015. С.323-371.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 808 с.
3. Момджян К. Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29-41.
4. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
5. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. Пер. с ит. / пер. Дм. Новикова. М.: Логос, 2002. – 128 с.
6. Тихонова, С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна/С.В. Тихонова// Вопросы философии. 2021. № 10. С. 29-39.
7. Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. №1. С. 14–28.
8. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 6 (127). С. 1–19.
9. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. Pp. 1–14.
10. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм // Философский журнал. 2019. № 2. С. 20–33.

POSTMODERN SOCIETY: PAST OR PRESENT?

Christina V. Vorobeva

Perm State University

e-mail: christine.viktorovne@gmail.com

The concept of "postmodernism" is considered as a socio-philosophical category. The most characteristic features of postmodernism are highlighted: pluralism of views and denial of progress, proclamation of the "end of history", rebellion against classical rationality, the dominance of anti-fundamentalism and non-essentialism, rejection of truth, denial of the possibility of thinking of the subject as an ontological whole. In accordance with F. Jamieson's concept, postmodernity is interpreted as the logic of the culture of late capitalism, as a reaction to the historical failures of the 20th century. The author analyzes the question of the end of postmodernism, presents a brief overview of such trends of "post-postmodernism" as metamodernism, hypermodernism, etc., and shows that they either focus on issues that are not of broad public interest, or offer "reconciliation" with modernity, while thinking within the boundaries of postmodernist optics. Ultimately, the answer to the question of the end of postmodern society depends on how it is defined. If postmodernity is synonymous with a revolt against modernity, then, having fulfilled its historical task, it has exhausted itself. However, the essential features of culture and social life that the postmodern era brought with it remain in our time. This circumstance gives grounds to conclude that the modern era can be called late postmodernity, and it still appears as an ideological product of late capitalism.

Keywords: postmodernism, late capitalism, F. Jamieson, J. S. Smith, and J. S. Smith. Vattimo, metamodernism, hypermodernism